

**ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

УДК 94(470.331)''1941/1945''

DOI 10.26456/vthistory/2022.4.075–092

**ДОКУМЕНТЫ ПРОЕКТА «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»:
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

К.М. Свирин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье рассмотрен комплекс документов, изданных в рамках Всероссийского проекта «Без срока давности», отражающих преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории Тверской (Калининской) области РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Представлены мотивы и сущность злодеяний нацистов как элемент обычной ежедневной практики в отношении мирных граждан. Особое внимание уделено исследованию процесса сбора и документирования сведений о преступлениях. Рассмотрены особенности фиксации фактов о зверствах, поступаемых с оккупированной территории. Автором проанализированы записи опросов свидетелей и первичных актов, составленных после освобождения населённых пунктов. Отражена специфика актов районных комиссий, которые, с одной стороны, включали только часть информации первичных актов деревень, колхозов, сельсоветов, с другой – иногда отличались многократной повторяемостью одних и тех же первичных сведений. Отмечается необходимость дополнительного изучения опубликованных и архивных документов для установления фамилий и имен убитых и пострадавших мирных граждан.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Тверская (Калининская) область, нацизм, архивные документы, документирование, преступления немецко-фашистских захватчиков, жертвы нацизма, увековечение памяти.*

Уникальная по своим масштабам работа по выявлению документов, проливающих свет на преступления нацистов в отношении мирного населения РСФСР в годы Великой Отечественной войны, была проведена архивистами, историками, археографами. Результатом этой работы стало многотомное издание «Без срока давности». Тысячи опубликованных документов из фондов федеральных, региональных и муниципальных архивов, архивов ре-

гиональных управлений ФСБ России позволяют почувствовать глубину бедствия, постигшего советский народ в период нацистской оккупации. В тверской региональный том включено 173 архивных документа¹.

Опубликованные документы содержат, с одной стороны, значительный массив исторической информации о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, с другой стороны, позволяют проследить достаточно сложный процесс документирования этих событий в условиях оккупации и сразу после освобождения оккупированных территорий (докладные записки, справки, донесения, сообщения, письма, отчёты; протоколы допросов свидетелей, свидетельские показания; акты обнаружения и судебно-медицинского освидетельствования убитых; акты, фиксирующие факты убийств, грабежей, издевательств, угона граждан на принудительные работы; акты об ущербе, нанесенном гражданам, колхозам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям; опросные листы, объяснительные записки, заявления граждан, угнанных в Германию и возвратившихся на Родину; воспоминания).

Анализ содержания впервые опубликованных в таком масштабе архивных документов не без содрогания позволяет взглянуть на систему уничтожения советских граждан, выстроенную захватчиками. Происходящие на оккупированной территории события невозможно объяснить просто эксцессами военного времени, потому что «противниками» солдат вермахта на страницах архивных документов оказываются малолетние дети, женщины и беспомощные старики. Все это напоминает эпоху трагического для населения Древней Руси татаро-монгольского нашествия, когда разорявшие города и сёла воины хана Батыя «все людье секуще, акы траву»². Как пишет Н.С. Борисов, «Их (татар – К.С.) отношение к мирному населению трудно даже назвать жестокостью. Это было что-то другое, запредельное, лежащее вне традиционной системы моральных оценок. Людей либо просто убивали, «как траву», либо превращали в живой настил для преодоления крепостных рвов»³. Массовая гибель населения в то время приходилась на период собственно самих походов и набегов татар. В годы же оккупации территории РСФСР безнаказанные ежедневные преступления, которые совершались против мирных граждан, оказались естественным элементом «быта» немецких солдат. Сущность этих преступлений заключалась в моральном подавлении, издевательствах и физическом уничтожении людей вне зависимости от пола, возраста и способности к сопротивлению. В акте Луковниковской районной комиссии от 17 января 1944 г. говорится: «Комиссия определенно устанавливает, что никакого сострадания, не говоря уже о заботе, никакого

¹ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тверская область: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Т.А. Бархатова; сост. Д.А. Ефремов, Н.В. Федотова, О.В. Маркелова и др. М., 2020. – 528 с.

² Цит. по: *Борисов Н.С.* Михаил Тверской. М., 2017. С. 96.

³ Там же.

человеческого чувства со стороны немцев к престарелым, детям не было. При проведении своих бандитских приемов, беспомощных людей – стариков и детей выгоняли на мороз, а при сопротивлении применяли побои и расстреливали. Так, в дер. Хорошево, Бабинского сельсовета, 23 декабря 1941 года был избит 10-летний гражданин Шкаликов Аркадий Петрович. Били мальчика кулаками, ногами, прикладом, наконец, загнали в огород и полуживого затоптали в снег... Малейшее сопротивление бандитским выходкам в части предотвращения грабежа и поджогов каралось беспощадным образом... Колхозница Владимирова из колхоза имени Ленина, Гришкинского сельсовета, начала просить немцев не поджигать ее постройку, бандиты схватили Владимирову и живую бросили в пламя горевшей ее избы, где она заживо сгорела»⁴.

Чтобы убедиться в бесчеловечности сложившейся системы, достаточно увидеть «поводы» для ежедневных убийств мирных граждан, приводимые в текстах опубликованных документов. В обширной многостраничной справке, направленной из областного управления НКВД по Калининской области в адрес секретаря Калининского обкома ВКП(б) в марте 1943 г., отмечаются такие поводы: «препятствовали фашистам поджигать их (мирных жителей – К.С.) собственные дома», «пыталась спасти дочь от изнасилования», «не дал санки немецкому солдату», «при обыске в кармане обнаружили красноармейский ремень», «отказался напоить немецких лошадей», «дети плакали в домах, где были расквартированы немецкие солдаты», «взяли у немцев несколько пачек папирос», «за охапку взятых дров в селении», «не хотел отдавать свой тулуп», «сделала замечание немецкому солдату не бросать угли на пол», «за обрез телефонного провода», «считая его партизаном», «за то, что... брали картофель в колхозном овощехранилище без ведома старосты», «отказался отдать сапоги немецкому солдату», «пытался возражать против грабежа», «за то, что он хотел для своей голодной семьи накопать картофеля из собственного огорода», «за то, что она медленно повернулась на окрик немца», «за то, что он заявил немецкому солдату, отбиравшему у него имущество, что это «грабеж» и высказал уверенность в скором приходе Красной Армии»⁵.

Многочисленные примеры бесчеловечного отношения к мирному населению, массовых убийств граждан Калининской области приводятся в статье Л.А. Болокиной, сопровождающей тверской региональный том опубликованных документов⁶.

Возраст убитых можно характеризовать единственным предложением из упомянутой справки о зверствах в Оленинском районе: «В деревне Веде-

⁴ Без срока давности. С. 190, 196.

⁵ Там же. С. 57–75.

⁶ Болокина Л.А. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории Тверской области // Без срока давности. С. 19–42.

нитое немцы расстреляли 26 мирных жителей, в том числе двух грудных ребенка (так в тексте – К.С.), 12 детей до 10-летнего возраста и 5 стариков за то, что их односельчанин Новиков был партизаном»⁷.

Можно по-разному оценивать иногда непростые взаимоотношения граждан с партизанскими отрядами, но ни в какой мере не может быть оправдана ответная реакция нацистов на мнимую или реальную связь мирных жителей с действиями партизан, учитывая, в чем именно эта реакция заключалась. Например, «в августе 1942 года полицией была задержана женщина с грудным ребенком, которая обвинялась в том, что якобы она носила продукты партизанам. Эта женщина была расстреляна, а ребенок живым закопан вместе с матерью»⁸. Зверские акции в отношении женщин и детей, жителей целых деревень нацисты осуществляли, стараясь не только отомстить, но и надеясь развести граждан и армию, «отучить» мирное население от помощи красноармейцам, партизанам.

Мирное население погибало от рук нацистов, находясь на грани выживания. В Молодотудском районе две семьи, включая детей в возрасте 14, 9 и 6 лет, были расстреляны, а тела сожжены, лишь за то, что пошли без разрешения из своей деревни Сухуша в соседнюю деревню искать пропитания; «в этой деревне население голодало, питалось мхом, мякиной, трупами павших лошадей, отбросами...»⁹.

Психологическое состояние мирных жителей со всей трагичностью передано фразой из опроса выжившей жительницы дер. Ивановское Ново-Ивановского с/совета Октябрьского района, в котором было убито все мужское население, включая малолетних мальчиков: «Как боялись их. Слов не подберешь, ждали смерти каждый день. Смотрели все время, не едут ли откуда немцы...»¹⁰.

Диссонансом на фоне борьбы немецкой армии с мирным населением на оккупированной территории звучат переживания немецких солдат в письмах, отправленных ими домой из окопов Сталинграда в период тяжелых городских боев. Например, характерны строки, написанные 31 декабря 1942 г.: «Сегодня для меня было бы величайшей радостью получить кусок черствого хлеба. Но даже этого у нас нет. Год тому назад мы смеялись, глядя, как русские беженцы едят дохлых лошадей, а теперь мы радуемся, когда у нас дохнет какая-нибудь лошадь!» или «Старый год приближается к концу. Только что говорил Геббельс, энтузиазма он у нас не вызвал. Уже много недель, как энтузиазма и в помине нет. Что у нас в изобилии, так это вши и бомбы»¹¹.

В письмах солдаты вермахта часто упоминают голод, отсутствие рождественских подарков, тяжёлый окопный быт. Вся злость за складывающиеся

⁷ Без срока давности. С. 72.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 209.

¹⁰ Там же. С. 232.

¹¹ Цит. по: «... Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения / Сост. Н.Э. Вашкау. М., 2013. С. 60–61.

обстоятельства вымещалась на мирных гражданах там, где это было возможно, на оккупированной территории. Поэтому уничтожить систему насилия, которую принесли народам СССР солдаты вермахта, можно было только уничтожением самого вермахта, что и было сделано Красной Армией и многомиллионным народом, заплатившим за Победу огромную цену.

Опубликованные документы с очевидностью подтверждают утверждения современных исследователей, что «оккупационный режим явился заранее продуманной преступной политикой вермахта, характеризовался произволом и полной безнаказанностью немецких войск и оккупационной администрации по отношению к жителям захваченных районов...»¹².

* * *

Огромный массив опубликованных, а также сохранившихся архивных документов даёт возможность проследить другую важную проблему, а именно особенности процесса сбора и документирования сведений о совершенных нацистами преступлениях.

Несмотря на то, что организованное соби́рание сведений о совершенных нацистами преступлениях начиналось, как правило, уже после освобождения населённых пунктов, первая информация стала поступать в 1941 г. ещё с оккупированной территории.

Наиболее ранние из опубликованных документов представлены донесениями комиссаров партизанских отрядов в Калининский обком ВКП(б) от 24 ноября и 7 декабря 1941 г.¹³, в которых содержатся сведения о расправах с жителями нескольких сёл и деревень Ленинского района. Очевидно, что значительные объёмы информации с оккупированных территорий поступали и аккумулировались прежде всего в органах НКВД. Те же сведения, которые содержатся в донесении партизанского отряда от 24 ноября 1941 г., содержатся и в спецсообщении начальника УНКВД по Калининской области в адрес заместителя наркома внутренних дел СССР от 7 декабря 1941 г.¹⁴, однако в спецсообщении речь идёт не только о преступлениях, совершенных на территории Ленинского района, но и на территориях Пеновского, Пустошкинского, Кировского районов, гор. Торопца.

Донесение из партизанского отряда стало основой для формирования спецсообщения. Об этом свидетельствует более ранняя дата донесения и сходство формулировок в этих документах. В спецсообщении переставлены местами слова, опущены отдельные подробности, по-другому указаны названия населённых пунктов, изменён смысл некоторых фактов («расстреляны конюх лесхоза Шваров и его жена», а в первичном донесении – «конюх лесхоза Шверов и хозяйка его дома»), по-разному воспроизведены фамилии¹⁵.

¹² Красноженова Е.Е., Кулинок С.В. Преступления нацизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам архивов Северо-Запада России и Республики Беларусь // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 111–112.

¹³ Без срока давности. С. 178–179.

¹⁴ Там же. С. 97, 98.

¹⁵ Там же. С. 97, 178–179.

Очевидно, имели место при формировании спецсообщения как опечатки, так и сознательная правка текста первоисточника. Не исключено, что донесения из партизанских отрядов создавались и направлялись, как в адрес обкома ВКП(б), так и отдельно в органы НКВД, поэтому спецсообщение создавалось на основе сходного по содержанию, но не идентичного поступившему в обком донесения.

Факт того, каким образом сведения о преступлениях с оккупированной территории поступали в органы НКВД, также отражён в названии докладной записки зам. начальника Нелидовского РО НКВД начальнику УНКВД по Калининской области Токареву от февраля 1942 г.: «... о работе партизанского отряда, действующего в Нелидовском районе»¹⁶. В документе приводятся установленные партизанами многочисленные факты убийств, насилия и грабежа в отношении конкретных граждан с указанием точных дат за период с октября 1941-го по февраль 1942 г.

В ТЦДНИ сохранились незаверенные машинописные копии донесений партизанских отрядов Ленинского района с оккупированной территории и более раннего времени, 5 и 31 октября 1941 г., в которых в том числе упоминаются отдельные фамилии и имена жертв нацистов¹⁷.

Информация о чудовищной расправе над мирным населением д. Ксты Заевского сельсовета Пеновского района, случившейся 9 января 1942 г., также впервые появляется в докладной записке от 23 января 1942 г., направленной начальником Пеновского районного отдела в областное управление НКВД¹⁸. В записке отражён факт расстрела и сожжения 50 жителей деревни (стариков, женщин и детей). В дальнейшем информация об этом злодеянии встречается в разных документах (письмо в газету, справка НКВД, сообщение о фактах зверствах и насилия, воспоминания председателя колхоза, акты районной комиссии, сводная информация областной комиссии, рассказы жителей), составленных в 1942–1944 гг.¹⁹. Основой сведений о расправе над мирными гражданами стал рассказ единственной выжившей жительницы деревни Ксты Галаховой Марии Андреевны. Была установлена гибель 76 жителей д. Ксты и окружающих деревень.

Поступавшая с оккупированной территории информация далее направлялась в центральный аппарат НКВД СССР, о чем свидетельствуют докладные записки и сообщения от 30 ноября 1941 г. и января 1942 г., направленные из УНКВД по Калининской области заместителям народного комиссара внутренних дел СССР Серову и Кобулову под грифами «Совершенно секретно» и «Секретно»²⁰. О том, что передача сведений в Москву носила систематический характер, свидетельствует отсылка к ранее направленным материалам: «в дополнение к нашим докладным запискам сообщаем

¹⁶ Без срока давности. С. 218–220.

¹⁷ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 166. Л. 19–21.

¹⁸ Без срока давности. С. 270–271.

¹⁹ Там же. С. 69–70, 76, 96, 258, 266, 269–271, 273.

²⁰ Там же. С. 332–333, 98–99.

следующие вновь выявленные данные о зверствах фашизма над мирным населением»²¹. В докладной записке от 30 ноября 1941 г. также используется фраза «по данным нашей разведки в городах Великие Луки и Торопце поставили виселицы...»²², показывающая способы сбора первичной информации.

Вероятно, поступление и накопление значительного массива сведений, собранных органами НКВД через сеть партизанских отрядов и диверсионных групп, определило необходимость и возможность в дальнейшем уже систематического и организованного собирания документальных материалов, что подтвердил приказ НКВД № 057 от 25.02.1942, которым утверждалась соответствующая инструкция, и приказ № 0154 от 30.04.1942, внесший в инструкцию уточнение. Все собранные документальные материалы (акты, кино- и фотосъёмки, письма, свидетельские показания, дневники, записки, плакаты, печатные издания, допросы пленных, разговоры по проводу, радио, приказы и распоряжения фашистского командования) в подлинниках после составления подлежали передаче отделам государственных архивов НКВД-УНКВД, а затем, после их соответствующего использования, в государственные архивы. Директивным письмом от 30.09.1942 г. Управления государственными архивами НКВД СССР отделу государственных архивов УНКВД Калининской области рекомендовалось установить контакты с обкомом ВКП(б) и облисполкомом и проверить в отделах народного образования, здравоохранения, организациях обществ Красного Креста и Красного полумесяца СССР наличие документальных материалов по данному вопросу²³.

Очевидно, что значительный объём сведений о совершаемых нацистами преступлениях собирался и партийными органами, в которые также поступали докладные записки, справки, информация, а затем и акты.

В период с начала 1942 г. сразу после освобождения оккупированных населённых пунктов и районов началась работа по сбору свидетельских показаний и опросов населения, составления соответствующих актов о зверствах и ущербе в деревнях, колхозах и сельсоветах, актов судебного медицинского освидетельствования, осмотра трупов, составления списков убитых мирных граждан.

В результате работы в фондах Тверского центра документации новейшей истории (ТЦДНИ) удалось найти документы, которые стали первоосновой для составления обобщающих актов, справок, сводок, сведений. Часть документов выявлена в результате работы группы студентов исторического факультета ТвГУ «Архивный десант» при поддержке директора ТЦДНИ Н. А. Руф, в состав группы входили студенты Цветкова К.С., Штурина Е.В.,

²¹ Без срока давности. С. 98.

²² Там же. С. 332.

²³ Археографическое предисловие / Руф Н.А., Бархатова Т.А. // Без срока давности. С. 45–46.

Дубинина А.А., Щербакова А.Д., Баранова Е.И., Звонарева В.В., Пухов А.В.

Первичные документы содержат важную историческую информацию, которая позволяет больше узнать о людях и их судьбах. В упоминавшейся опубликованной справке, направленной из областного управления НКВД по Калининской области в адрес секретаря Калининского обкома ВКП(б) в марте 1943 г., сохранившейся в архиве УФСБ России по Тверской области, встречается лаконичная запись: «В дер. Клешнево был повешен колхозник Зайцев за подозрение в краже»²⁴. В записи нет ни инициалов, ни обстоятельств произошедшего. В указателе к публикации документов Зайцев без инициалов указан как жертва оккупационного режима.

В фонде Ржевского райкома ВКП(б) в материалах за 1942–1945 гг. в деле «Материалы и документы об ущербе и злодеяниях захватчиков за период оккупации» сохранился записанный карандашом на тетрадном листе со слов односельчанина рассказ об обстоятельствах гибели Зайцева²⁵. Упоминается, что Зайцев А.К. был бригадиром колхоза в д. Клешнево Антоновского с/с Ржевского района и был обвинён в воровстве посылок, присланных немецким солдатам. А.К. Зайцев с женой и сыном были арестованы, а через две недели, в присутствии всех жителей деревни, принудительно согнанных немцами, колхозник был повешен под березой, на которой поместили доску с надписью: «Я воровал немецкие посылки». Судя по записи в тексте, событие произошло 8 мая 1942 г. Однако дата составления этой записи, как и автор записи, не ясны. Судя по смежным документам дела, документ должен быть датирован сентябрем 1942 г. Судьба членов семьи казнённого по документу осталась неизвестной. В тексте А.К. Зайцев назван односельчанином «честным тружеником колхоза»²⁶.

Описанная в первичном документе ситуация с очевидностью демонстрирует, что оккупанты априори воспринимали местное население как врага, о чём свидетельствует появление фразы «немецкие посылки». Очевидно, что речь идёт об избирательном правосудии, а значит, отсутствии его как такового, поскольку справедливость действует только в отношении немцев.

В фонде Калининской областной комиссии сохранилась машинописная копия акта, составленного значительно позднее и по-другому описывающего произошедшее событие со слов и в присутствии колхозников. В документе указано, что Зайцев Андрей Константинович (приводится год рождения) был казнён 12 июня за ссору с немецкими солдатами из-за пропажи у него курицы, украденной немецким солдатом²⁷. Решение о казни было принято немецким комендантом. Как и в первоначальном документе 1942 г. отмечено, что казнь провели публично, собрав всех колхозников.

²⁴ Без срока давности. С. 74.

²⁵ ТЦДНИ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 59. Л. 14.

²⁶ Там же.

²⁷ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

В том же фонде Ржевского райкома ВКП(б) удалось также обнаружить первичный документ, связанный с судьбой жительницы д. Воробьево Зелениченского сельсовета Ржевского района Воробьевой Анной 32 лет, матери трёх малолетних детей²⁸. Информация о казни женщины присутствует в опубликованном акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ржевском районе, составленном в марте 1943 г. В акте записано, что Воробьева Анна была повешена 25 июля 1942 г. за то, что указала путь пленному красноармейцу и помогла пройти ему линию фронта²⁹. В свою очередь, сохранившийся и выявленный в составе архивного фонда документ описывает подробно обстоятельства этого дела. Документ написан карандашом с двух сторон листа и озаглавлен «Акт»; в конце документа проставлена дата «6/IX–1942г.». Из текста становится понятно, что в доме у Воробьевой Анны Арсеньевны (в опубликованном акте районной комиссии отчество не упоминается) находились пленные красноармейцы, одного из которых она направила переходить к своим, за линию фронта. Судя по оперативным сводкам Генштаба, линия фронта проходила в непосредственной близости от деревни. Задержанный немецким патрулем красноармеец назвал на допросе имя женщины, в результате чего она была арестована, отправлена в немецкую комендатуру и в течение 16 дней подвергалась пыткам. Затем «всю избитую, с почерневшим телом привезли Воробьеву в свою деревню, и собрав колхозников всей деревни, повесили на березе»; староста деревни, чьё имя также упоминается в тексте, ходил по деревне с веревкой, «загонял народ на зрелище повешенной»³⁰. После смерти матери остались Анна (14 лет), Николай (13 лет) и Тася (1,5 года), «которая умерла 9-го августа от голода»³¹. В документе указано, что Воробьева часто беседовала с детьми о скором приходе Красной Армии и желании освободить всех проживавших у неё пленных. В конце перед датой присутствует фраза «Подпись дочери, повешенной матери», а после, явно детской рукой, написано «Воробьева А.», затем другим почерком «Николаева» и внизу чернильный отпечаток пальца³².

Таким образом, в документе не только описываются обстоятельства дела, но и содержится факт смерти Таси – годовалой дочери казнённой женщины, о который в опубликованном районном акте не упоминается. Почерк в подписях отличается от почерка самого текста документа. Акт был, очевидно, составлен со слов и в присутствии дочери казнённой, и неизвестного лица, оставившего отпечаток пальца. При сопоставлении сведений разных документов удалось установить, что подпись «Николаева», поставленная в первичном рукописном акте, совпадает с подписью в сводном акте по Ржевскому району марта 1943 г. Исходя из данных последнего акта, Николаева являлась

²⁸ ТЦДНИ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 59. Л. 2, 2 об.

²⁹ Без срока давности. С. 297, 302.

³⁰ ТЦДНИ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 59. Л. 2, 2 об.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 2 об.

депутатом Исполкома Калининского облсовета депутатов трудящихся³³ и, вероятно, участвовала в первичном опросе населения сразу после освобождения оккупированных сел и деревень Ржевского района в сентябре 1942 г.

Сегодня ни от центра бывшего сельсовета села Зеленичено, ни от д. Воробьево ничего не осталось, кроме упоминания урочищ на карте. В оперативных сводках Генштаба периода войны обход д. Воробьево частями 183-й стрелковой дивизии 29-й армии Калининского фронта упоминается 16 августа 1942 г., а освобождена деревня была, вероятно, не позднее 18–20 августа войсками 29-й или 30-й армии, когда в сводках зафиксировано освобождение близлежащих населённых пунктов Зеленичено (Зеленичино), Демкино, Марьино (19 августа), Бурцево (20 августа)³⁴.

По воспоминаниям ветерана 274-й стрелковой дивизии 30-й армии А.П. Шибаршина в ходе тяжёлых боев за указанные населённые пункты погибло немало мирных граждан, женщин с малолетними детьми, которые пытались прорваться из дер. Мосягино в сторону д. Воробьево к наступающим частям Красной Армии. В д. Мосягино немцы согнали для отправки в Германию несколько сотен жителей окрестных деревень³⁵.

Сведения о датах освобождения населённых пунктов важны тем, что позволяют понять, насколько оперативно опрашивали граждан о совершённых нацистами преступлениях. Судя по тому, что рукописный акт был составлен уже 6 сентября, сбор свидетельских показаний начинался почти сразу после освобождения оккупированной территории.

В смежных документах дела, представляющих собой черновые карандашные записи опросов местного населения со следами правки, зачёркиваний, подчёркиваний, иногда понятных лишь составителю, имеются пометы, указывающие на способы сбора сведений: «из рассказа колхозника дер. Клешнево т. Обрезкова» (в случае с делом колхозника А.К. Зайцева), «Беседа. Присутствовало 24 человека», ««из той же деревни колхозница рассказала», «Беседа с колхозниками. Присутств. 33 чел.»³⁶. Такие записи не систематизированы и не оформлены, не содержат подписей и дат составления, но, несомненно, ценны тем, что составлены сразу после прошедших событий, наиболее приближены к ним по времени и содержанию. Кроме того, в них упомянуты имена и фамилии убитых и пропавших граждан, не встречающиеся в дальнейшем в актах, что требует дополнительного их изучения с

³³ Без срока давности. С. 304.

³⁴ Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии / М-во обороны Российской Федерации, Гл. оперативное упр. Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Ин-т военной истории и Центральный арх. М-ва обороны; [авт.-сост. И.В. Захарин (рук.) и др.]. Т. 4: «Схватка на юго-западном направлении», 1 июля – 31 декабря 1942 г. М., 2008. С. 168, 180, 183.

³⁵ История Ржева: Очерки по истории ржевской земли. Авт. кол.: Л. Сорина и др. Ржев, 2000. С. 202–203.

³⁶ ТЦДНИ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 59. Л. 14, 7, 7 об.

целью увековечения памяти. Первичные записи опросов карандашом в тетрадях встречаются и в других фондах, где имеют названия «Акт», «Живая запись», «из рассказа девочки», «рассказ колхозницы...»³⁷.

Судьба казнённой Анны Арсеньевны Воробьевой прослеживается ещё в двух документах. Первый документ из фонда Калининского обкома ВКП(б) – рукописный акт, составленный и подписанный несколькими колхозниками колхоза им. Калинина д. Воробьево, описывающими обстоятельства её ареста и казни³⁸. В целом информация акта соотносится со сведениями, имеющимися в первичном документе, хотя и отличается некоторыми подробностями. В этом акте встречаются даты, судя по которым, Анна Арсеньевна Воробьева была казнена 1 августа или позже, а также слова, произнесённые перед казнью: «погибаю за пленного, за своего русского бойца». Дата составления документа отсутствует; по смежным документам дела, он был составлен не позднее марта 1943 г. Дата казни в данном акте противоречит дате, упоминаемой в сводном акте по Ржевскому району – «25 июля», что свидетельствует о наличии и других документов относительно обстоятельств произошедшего с указанием даты.

Ещё один сохранившийся документ из фонда Ржевского райкома ВКП(б) – машинописный отчёт о работе отдела кадров Ржевского райкома ВКП(б) по состоянию на 1 июня 1943 г. без подписи и авторства³⁹. В краткой записи документа казненная женщина указана как «активистка тов. Воробьева», которая была повешена на глазах детей «за то, что она читала пленным красноармейцам советские листовки»⁴⁰. В документе ошибочно указаны д. Муравьево, возраст детей от года до 12 лет, но упоминается факт смерти младшей дочери. Таким образом, из всех имеющихся документов наиболее приближён к событиям и по времени, и по содержанию первоначальный рукописный акт, составленный в присутствии дочери казнённой А.А. Воробьевой.

По архивным документам можно проследить и связь событий, происходящих на оккупированной территории, с фронтом. Так, в опубликованных документах упоминается трагедия, произошедшая на территории совхоза «Вахново» Погорельского района (Акт Погорельской районной комиссии от 20.12.1943 г.), произошедшая 28 апреля 1942 г., когда «карательным отрядом белофиннов были зверски замучены и живьем сожжены 24 советских гражданина...»⁴¹. Далее перечислены фамилии членов некоторых уничтоженных семей, часть фамилий осталась неизвестной. В фонде Погорельского райкома ВКП(б) удалось выявить написанное чернилами письмо со штампом 91-й обмывочно-дезинфекционной роты НКО СССР за № 109 от 01 сентября 1942 г., направленное в адрес совхоза «Вохново» Погорельского

³⁷ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 567. Л. 51–62 об.

³⁸ Там же. Д. 568. Л. 3, 3об.

³⁹ Там же. Ф. 148. Оп. 3. Д. 61. Л. 139.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Без срока давности. С. 280.

с/совета, Погорельского РК ВКП(б) и Погорельского райвоенкомата за подписью старшего политрука Филиппова⁴². В письме излагается просьба о розыске несовершеннолетних детей красноармейца Пушкина Сергея Михайловича, сына Алексея 10 лет и двух дочерей, Анны 7 лет и Нины 3 лет, которые вместе с матерью проживали в совхозе и которых «угнали немцы во время отступления и неизвестно, где они находятся»⁴³. Из текста документа становится понятно, что красноармейцем Пушкиным, находящимся в действующей армии, было получено письмо от племянника, сообщившего ему о гибели от голода жены Пушкиной Марии Михайловны (41 года) и сына Виктора (двух лет), застреленного немцами. Составивший письмо политрук характеризует Пушкина как одного «из лучших, дисциплинированных и исполнительных красноармейцев» и сообщает, что полученное о семье известие «отражается на его состоянии»⁴⁴.

По документам не прослеживается очевидной связи между описанным в акте районной комиссии массовым убийством жителей совхоза «Вахново» («Вохново») и судьбой упомянутых в письме жены и детей красноармейца Пушкина, проживавшими в этом же совхозе, однако, отправленное с фронта письмо показывает, насколько оказывались переплетены судьбы людей, оставшихся на оккупированной территории, и бойцов, находившихся в Красной Армии. На письме имеется резолюция карандашом «сообщить, что дети взяты в дет. дом и будут обеспечены»⁴⁵. Далее в фонде имеется ответ, направленный из Погорельского РК ВКП(б) в часть о том, что дети красноармейца взяты райисполкомом и направлены в детдом, где будут обеспечены, а также указано место расположения детдома⁴⁶.

В опубликованных документах проекта сведения о судьбе жены и ребенка красноармейца Пушкина больше не встречаются. В архивном фонде Погорельского райкома ВКП(б) сохранились и другие письма красноармейцев, разыскивающих своих родных и близких, оставшихся на оккупированной территории⁴⁷.

По текстам архивных документов мы можем восстановить лишь единицы подобных историй; реальных же человеческих судеб было гораздо больше. За каждым упоминаемым в тексте опубликованных документов именем, фамилией или неизвестным стоит жизнь и трагедия человека, его родных и близких, тех, кто погиб и подвергся издевательствам на оккупированной территории, и их родных и близких, сражавшихся в рядах Красной Армии на фронте. Судьбы же многих людей так и остались неизвестны.

⁴² ТЦДНИ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 352. Л. 40.

⁴³ Там же. Л. 40.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 41.

⁴⁷ Там же. Л. 48–54, 70–73.

Таким образом, в фондах районных и областного комитетов партии сохранились отдельные уникальные первичные документы (черновые записи бесед, опросов свидетелей, письма), позволяющие проследить истории людей и подробности обстоятельства дел.

Исследователи обращались к первичным материалам (свидетельствам очевидцев), которые стали основой для формирования обобщающих актов о совершённых нацистами преступлениях, как источнику по геноциду гражданского населения (преступления против детей, массовые убийства мирных жителей, убийства на этнической основе, насильственный угон в Германию на принудительные работы)⁴⁸.

Основная часть актов, фиксирующих факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков против мирного населения, была составлена в рамках деятельности областной и районных комиссий во второй половине 1943 – начале 1944 г. Калининская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в местах, освобождённых от оккупации, была создана решением исполкома Калининского совета депутатов трудящихся 9 апреля 1943 г. в соответствии с постановлением СНК СССР № 229 от 16 марта 1943 г.⁴⁹.

Особое значение имеет соотношение информации, зафиксированной в актах районных комиссий, с прилагаемыми к ним часто актами сельсоветов, колхозов, деревень, расположенных на территории соответствующих районов.

В большинстве случаев информация первичных актов сводилась в актах районных комиссий, но иногда оставалась зафиксированной только в актах, составленных на местах (сёлах, деревнях, колхозах, сельсоветах в присутствии и за подписями граждан, представителей партийных и местных государственных органов). Причины отсутствия некоторых фактов в обобщающих актах районных комиссий не совсем ясны. Это могло определяться техническими ошибками при сведении значительных массивов данных, когда часть информации терялась. С другой стороны, в обобщающие акты районных комиссий попадали в первую очередь факты наиболее бесчеловечных действий в отношении мирного населения: насилия, крайне жестокого отношения, убийств, в том числе массовых. Как сказано в докладной записке 23 марта 1943 г. председателя исполкома Ржевского райсовета и секретаря Ржевского РК ВКП(б) в Калининский обком ВКП(б) и Исполком Облсовета: «вот яркие факты злодеяний немецких захватчиков...»⁵⁰, после чего приводится информация о массовых убийствах в деревнях Ржевского района Афа-

⁴⁸ Красноженова Е.Е., Корсак А.И. Акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) как источник по геноциду гражданского населения Беларуси и Северо-Запада России (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2 (41). С. 165–171.

⁴⁹ Археографическое предисловие / Руф Н.А., Бархатова Т.А. // Без срока давности. С. 45–47.

⁵⁰ ТЦДНИ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 61. Л. 52.

насово, Станы, Брехово и других. Сходная с докладной запиской информация зафиксирована и в сводном акте по Ржевскому району, составленном в марте 1943 г., но с добавлением ещё нескольких фактов злодеяний⁵¹.

В фондах Калининского обкома ВКП(б), Ржевского райкома ВКП(б) и Калининской областной комиссии сохранились рукописные подлинники и заверенные машинописные копии небольших по объёму и содержанию актов деревень, колхозов и сельсоветов Ржевского района с точными датами марта 1943 г. Они содержат сведения о гибели людей, чьи имена и фамилии не встречаются в сводном акте по Ржевскому району⁵².

Следует отметить, что сводный акт по Ржевскому району составлялся ещё до официального начала работы областной комиссии, созданной 9 апреля 1943 г., и является одним из первых актов, оформленных по району в целом. К сожалению, точная дата его составления не указана; не исключено, что он создавался не на основе, а параллельно с актами колхозов, деревень, сельсоветов в марте 1943 г., в том числе с использованием других, более ранних источников информации, что и определило отсутствие в сводном районном акте многих сведений местных актов. В обобщающих актах районных комиссий, составленных во второй половине 1943 – начале 1944 г. и направленных в областную комиссию, таких пробелов значительно меньше, но они также встречаются.

Картина жуткого разорения отмечена в одном из актов по Митьковскому сельсовету Ржевского района, где упоминаются полностью уничтоженные деревни Скворцово, Добрая, М.-Ивановское, Дураково, и указано, что «людей здесь нет ни одного человека», поэтому установить точно количество уничтоженного имущества, как, собственно, и судьбу жителей, невозможно⁵³.

Следует также отметить, что при составлении обобщающих районных актов, а также формировании различных справок о злодеяниях, информация для них отбиралась, вероятно, из разновременных первичных источников (актов деревень, сёл, колхозов, сельсоветов, записей опросов и показаний свидетелей) и поэтому часто повторялась в сводном документе. Например, в акте Калининской районной комиссии от 25 декабря 1943 г. информация о массовой гибели мирных жителей в районе деревень Максимовское, Котово повторяется трижды в сочетании разных фактов и описывается как разные события⁵⁴. Если же прочитать подлинный рукописный акт от 22 сентября 1943 г., сохранившийся в ГАТО и составленный на основании показаний очевидцев событий, то проясняются обстоятельства произошедшего в период отступления немцев из Калинина в декабре 1941 г.⁵⁵, когда погибли и пострадали жители деревень Калининского и Емельяновского районов (д.

⁵¹ Без срока давности. С. 300–304.

⁵² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 568. Л. 5–31; Ф. 148. Оп. 3. Д. 64. ЛЛ. 5, 21, 24, 65, 83, 94–95; ГАТО. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 17. Л. 4–10.

⁵³ Там же. Ф. 148. Оп. 3. Д. 64. Л. 24.

⁵⁴ Без срока давности. С. 149–150.

⁵⁵ ГАТО. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 8. Л. 31, 31 об.

Котово, д. Даниловское, д. Сельцо, д. Шалайково и многих других), неоднократно перегоняемые из одного населённого пункта в другой, с целью увода в Германию на каторжные работы или использования в качестве живого щита от наступающей Красной Армии. Отдельно отбиралось все мужское население от 13 до 60 лет. Этот же факт упоминается в акте Емельяновской районной комиссии октября 1943 г., дважды в справке НКВД марта 1943 г. и сочетается с опубликованными воспоминаниями учительницы Антоновской школы Калининского района А. Мылиновой, составленными 15 февраля 1942 г.⁵⁶. Таких примеров дублирования информации в сводных документах много.

Кроме того, при формировании сводных документов информация иногда не воспроизводилась с точностью, а пересказывалась в свободной форме, в результате важные детали событий, зафиксированные в первоисточниках (в том числе фамилии и имена убитых и пострадавших), утрачивались или теряли первоначальное значение.

В момент письменной фиксации устных рассказов очевидцев, а потом при составлении актов и многократном дублировании информации (переписывании, наборе на пишущей машинке текста рукописных документов, перепечатывании) оказывались неизбежными ошибки в воспроизведении фамилий и имён, что отмечали и издатели сборника документов. Так, в акте д. Салыгино Бурашевского сельсовета от апреля 1943 г., зафиксировано убийство немцами Лашковой Ксении за то, что она побежала спасать вещи в подожжённый ими же дом, в котором и сгорела⁵⁷. В этом документе упоминается, возможно, она же как Лашкова Ксения Семеновна, которую ударил немец рукояткой револьвера по голове при ограблении дома⁵⁸. В свою очередь, в акте Калининской районной комиссии от 25 декабря 1943 г. женщина названа как Ксения Пашкова, в справке, составленной в управлении НКВД по Калининской области в марте 1943 г., упоминается дважды в разных местах документа как «Лыжкова Ксения, 62 лет» и «Лошкова Ксения, 62 лет», а в справке оперативного отдела УНКВД от 15 мая 1942 г. как «Лошкова Ксения, 62 лет»⁵⁹.

Судя по точности фрагментов текста, справка НКВД от 15 мая 1942 г. и справка НКВД от марта 1943 г. составлялись на основе одного источника, имеющегося в распоряжении НКВД и представлявшего собой, вероятно, первичный документ, связанный с опросом свидетелей, произведенным после освобождения Калининского района, либо с информацией, полученной ещё в период оккупации. В случае же с актами 1943 г., вероятно, проводился новый опрос свидетелей. Был составлен акт по д. Салыгино в апреле 1943 г., а затем на его основе акт районной комиссии в декабре 1943 г.

⁵⁶ Без срока давности. С. 59, 61, 155–156, 367.

⁵⁷ Там же. С. 153.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 149, 60, 58, 91.

В связи с этими обстоятельствами и в именном указателе к изданию документов жертва нацизма упоминается как четыре разных человека (Лашкова Ксения Семеновна, Пашкова Ксения, Лыжкова Ксения, Лошкова Ксения)⁶⁰. По сочетанию фактов разных документов фамилия погибшей женщины Лашкова (или созвучная Лошкова), поскольку именно такая фамилия, вероятно, одного из её родственников, указана в перечне жителей д. Салыгино, подписавших акт в 1943 г. Остальные фамилии явно стали результатом ошибок при составлении документов.

Упоминаемый в нескольких донесениях партизанских отрядов с оккупированной территории Ленинского района «советский патриот Логинов», житель дер. Пестово, в опубликованном рукописном документе 1943 г. из коллекции ГАТО упоминается как житель дер. Песцово «советский патриот Лишневу». Соответственно, в именном указателе встречаются два разных человека⁶¹. В первоначальном донесении партизанского отряда от 31 октября 1941 г. указано, что Логинова 29 октября немцы расстреляли за то, что его «советски настроенная» семья приютила на ночь группу партизан⁶². Такие случаи далеко не единичны, что, конечно, объективно объясняется особенностями сбора и фиксации информации в разных документах.

Сложнейшая работа, проведенная архивистами по выявлению и публикации документов, позволила сформировать перечни погибших и пострадавших в годы оккупации мирных граждан, чьи имена удалось установить и которые оказались на страницах опубликованных документов. На сайте проекта «Без срока давности» размещена база данных с указанием фамилий и имён (только фамилий, фамилий с инициалами или только имён) и электронными образами архивных документов. В раздел именного указателя по Тверской области внесены 1790 записей о жертвах оккупационного режима⁶³. Всего в базе о жертвах оккупационного режима 29114 записей.

Для установления исторической истины, сохранения достойной памяти о погибших соотечественниках требуется дальнейший кропотливый труд по сопоставлению и изучению огромного массива опубликованных и архивных документов, дополнению именных указателей, уточнению фамилий и имен.

В.Г. Кикнадзе отметил: «Список поминовения всех жертв России в Великой Отечественной войне, не только погибших воинов, но и гражданского населения, – необходим государству, обществу и каждому наследнику Великой Победы»⁶⁴.

⁶⁰ Там же. С. 484, 492, 486.

⁶¹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 166. Л. 20–21, 29 об; Без срока давности. С. 178, 180, 485, 486.

⁶² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 166. Л. 20–21.

⁶³ Онлайн-версия базы данных «Без срока давности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://бд.безсрокадавности.рф/persons> (дата обращения: 15.09.2022).

⁶⁴ Кикнадзе В.Г. Без срока давности: преступления нацистской Германии, ее союзников и пособников против гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории СССР // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 38.

Особого внимания заслуживает обращение к сохранившимся в архивах документам в виде первичных опросов свидетелей, актам сёл, деревень, колхозов и сельсоветов, донесениям из партизанских отрядов с оккупированной территории, в которых упомянуты имена и фамилии убитых, пропавших, пострадавших граждан, не встречающиеся в дальнейшем в других документах, в том числе в сводных актах районов и городов.

Список литературы:

1. *Болокина Л.А.* Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории Тверской области // Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тверская область: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Т.А. Бархатова; сост. Д.А. Ефремов, Н.В. Федотова, О.В. Маркелова и др. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле». М., 2020. С. 19–42.
2. *Борисов Н.С.* Михаил Тверской. М.: Молодая гвардия, 2017. – 284 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1593).
3. *Кикнадзе В.Г.* Без срока давности: преступления нацистской Германии, ее союзников и пособников против гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории СССР // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 16–41.
4. *Красноженова Е.Е., Корсак А.И.* Акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) как источник по геноциду гражданского населения Беларуси и Северо-Запада России (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2 (41). С. 165–171.
5. *Красноженова Е.Е., Кулинок С.В.* Преступления нацизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам архивов Северо-Запада России и Республики Беларусь // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 98–120.

Об авторе:

СВИРИН Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра архивоведения, историографии и документоведения, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

DOCUMENTS OF THE PROJECT «NO STATUTE OF LIMITATION»: HISTORICAL AND SOURCE STUDY ASPECTS (BASED ON THE MATERIALS OF THE TVER REGION)

K.M. Svirin

Tver State University, Tver, Russia

The article considers a set of documents published within the framework of the All-Russian project "No Statute of Limitations", reflecting the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the Kalinin region of the RSFSR during the Great Patriotic War. The motives and essence of the Nazi atrocities are presented as an element of

the usual daily practice against civilians. Special attention is paid to the study of the process of collecting and documenting information about crimes. The features of fixing the facts about the atrocities coming from the occupied territory are considered. The author analyzed records of interviews of witnesses and primary acts compiled after the liberation of settlements. The acts of district commissions have specifics: on the one hand included only part of the information of the primary acts of villages, collective farms, village councils, on the other – sometimes differed in the multiple repetition of the same primary information. It is noted that there is a need for additional study of published and archival documents to establish the surnames and names of the killed and injured civilians.

Keywords: *the Great Patriotic war, Tver (Kalinin) region, Nazism, archival documents, documentation, crimes of the Nazi invaders, victims of Nazism, perpetuation of memory.*

About the author:

SVIRIN Kirill Mikhailovich – Candidate of History, Associate Professor, the Department of Archive Studies, Historiography and Documentation, Tver State University (170100, Russia, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, office 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

References

- Bolokina L.A., *Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na territorii Tverskoi oblasti*, *Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoi territorii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. Tverskaya oblast': Sbornik arkhivnykh dokumentov, otv. red. serii E.P. Malysheva, E.M. Tsunaeva, otv. red. T.A. Barkhatova, sost. D.A. Efremov, N.V. Fedotova, O.V. Markelova i dr., M., Fond «Svyaz' Epokh», Izdatel'stvo «Kuchkovo pole», M., 2020, S. 19–42.
- Borisov N.S., *Mikhail Tverskoi*, M., Molodaya gvardiya, 2017. – 284 s. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei: ser. biogr.; vyp. 1593).
- Kiknadze V.G., *Bez sroka давности: prestupleniya natsistskoi Germanii, ee soyuznikov i posobnikov protiv grazhdanskogo naseleniya i voennoplennykh na okkupirovannoi territorii SSSR*, *Voprosy istorii*, 2020, № 5, S. 16–41.
- Krasnozhenova E.E., Korsak A.I., *Akty Chrezvychainoi gosudarstvennoi komissii (ChGK) kak istochnik po genotsidu grazhdanskogo naseleniya Belarusi i Severo-Zapada Rossii (1941–1944 gg.)*, *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, № 2 (41), S. 165–171.
- Krasnozhenova E.E., Kulinok S.V., *Prestupleniya natsizma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. po dokumentam arkhivov Severo-Zapada Rossii i Respubliki Belarus'*, *Vestnik arkhivista*, 2022, № 1, S. 98–120.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022 г.

Подписана в печать 15.12.2022 г.